

Рецепция категории «счастье» европейского Просвещения в политических текстах российских историков XVIII в.

Категория «счастья», как одна из наиболее значимых для понимания всей суммы идей европейского Просвещения, стала предметом пристального изучения, со времени выхода классического труда Р. Мози «Идея счастья в литературе и французской мысли в XVIII-м веке»¹. В российской исторической науке и смежных с ней гуманитарных дисциплинах (историческая политология, культурология, история права) понятие «счастье» неизменно попадает в центр внимания, если речь заходит о взглядах европейских просветителей XVII — XVIII вв.

«Счастье», как категория политической мысли, появляется в трудах английских мыслителей XVII в. и выражает представление о *целесолагании* как отдельного человека, так и общества в целом. Так у Гобса категория личного счастья раскрывается как «Постоянная удача в достижении тех вещей, которые человек время от времени желает, т. е. постоянное преуспевание»². «Счастье» же в обществе — политическая категория, означающее набор условий, способствующих «благополучию» и «процветанию» жителей страны в целом. Отсюда: личное счастье — это удача, успех, но общее счастье — это работа и забота (попечение).

Эта двойственная (лично-общественная) трактовка понятия «счастье» в общественно-политической сфере, затем трансформировалась по нескольким направлениям. Одно из них имеет, в качестве отправной точки, гобсовское же понимание роли государства, как попечителя над интересами всех и каждого. Дополненное учением Х. Вольфа о роли государства в обеспечении благами населения, а также анализом практики управления Петра I и Фридриха Прусского, оно привело к формированию концепции «полицейского государства», в котором «счастье» населения определяется степенью участия государства в его судьбе³.

Другое направление — строго противоположное — вело к созданию тайных обществ масонского толка, цель которых — вести народ к счастью, путем нравственного совершенствования каждого (но, в первую очередь, элиты), с использованием тех возможностей, которые дает государство, людям, занимающим в нем высокие посты. Так, основатель общества иллюминатов А. Вейсгаупт, писал о том, что под воздействием развития в обществе культуры и совершенствованием нравов «меняется одновременно и образ жизни моральное и политическое состояние, понятие счастья, отношение людей друг к другу, их отношения между собой, положение всех вещей мира и самого мира»⁴. В этом

¹ Mauzi R. L'Idée du bonheur dans la littérature et la pensée française au XVIII siècle. P. : Q.Colin, 1960.

² Гобс Т. Левиафан. М., Мысль. 2001. С. 44

³ Лазорин К.Б. Формирование полицейского государства в странах Европы в XVIII – XIX вв. // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал 2013, № 6. С. 78.

⁴ Серова Ю.О. Эпоха просвещения и тайные общества // Вестник ВолГУ. 2003. Серия 4. Вып. 8. С. 40.

отрывке понятие «счастье» показательно поставлено в один ряд с двумя видами «отношений» людей: *способом оценки* («отношения друг к другу») и *способом взаимодействия* между ними («отношения между собой»). И весь этот ряд понятий поставлен в зависимость от мировоззрения человека и общих принципов, на которых строится общество. Роль государства (а значит таких понятий, как «власть» и «политика») в таком понимании движения к «счастью» ничтожна.

И наконец, третья – основная – линия становления семантики категории «счастье» проходит через труды Локка, а от него к французским просветителям, прежде всего, Ш. Монтескье и Д. Дидро. Уже в ранней своей работе «Персидские письма» Монтескье обозначил «надличностный» характер категории «счастье»: «Каждому дано делать добро другому; а содействовать счастью целого общества, значит уподобиться богам»⁵. Там же он тесным образом связал политический смысл «счастья» с категорией свободы⁶, что придало общественный смысл индивидуальному целеполаганию. Затем, уже в трактате «О духе законов» он конкретизировал эту свою мысль посылом: если население страны имеет общую цель – движение к свободе, то «счастье» возможно. И наоборот, отсутствие такой цели ведет к «несчастью»: В государствах, где «народ не имеет никакого участия в управлении, он будет увлекаться каким-нибудь актером, так же как в других случаях увлекался бы государственными делами. Полное отсутствие честолюбивых стремлений – большое несчастье для республики. Оно постигает ее, когда народ развращен подкупами; он становится тогда равнодушным, пристращается к деньгам, но уже больше не интересуется государственными делами, не думает ни о правительстве, ни о его намерениях и пребывает в тупом спокойствии»⁷.

У Дидро же два семантических поля «счастья» разведенные другими авторами по пространствам «личного» и «общественного», сливаются в единой концепции «наслаждения пользой», приносимой человеком другим людьми и умножения общественного блага, служения обществу: «Действительно, природа и строение человека таковы, что вне общества он не мог бы ни сохранить свою жизнь, ни развить и улучшить свои способности и таланты, ни добыть себе подлинное и прочное счастье»⁸.

Для осмысления вариантов российской рецепции общественно-политической категории «счастье», применяемой трудах европейских просветителей, обратимся к политическим текстам трех российских историков В.Н. Татищева, М.Ю. Ломоносова и М.М. Щербатова. Выбор именно этих авторов обусловлен, тем, что они – представители, одновременно, политической и научной элиты российского общества. Двое из них и прямые участники крупнейших политических событий послепетровского времени: вступления на трон Анны Иоанновны (Татищев) и заседаний Уложенной комиссии (Щербатов).

⁵ Монтескье Ш. Л. Персидские письма. М.: Канон-Пресс-Ц - Кучково поле. 2002. С. 148

⁶ Мухина Г.А. «Персидские письма» Монтескье и представления об истории // Вестник Омского университета. 2009. № 3. С. 131

⁷ Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль. 1999. С. 20-21.

⁸ История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л.: «Наука». 1978 С. 62.

Ломоносов, в силу своего положения – первого придворного поэта – имел возможность в торжественных одах доносить собственные взгляды на власть до правящих лиц страны. Наконец тексты этих трех авторов относящиеся к началу 1730-х гг. (Татищев); концу 1740-х - нач. 1760-х (Ломоносов) и 1760-м – 1780-м гг. (Щербатов), позволяют судить о том, как менялась семантика понятия «счастье» («щастье») в XVIII в.

Комплекс политических сочинений М.Н. Татищева был создан в 1734 г., когда еще не были написаны ни трактат «О духе законов» Ш. Монтескье (1748), ни тем более «Об общественном договоре» Ж.-Ж. Руссо (1762). Терминология Просвещения, к этому времени еще не устоялась, ключевые идеи находились в проработке и не приняли еще свою «образцовую» форму. Соответственно в изложении собственных политических взглядов Татищев опирался, в большей степени, на труды мыслителей XVII и самого начала XVIII вв.: Христиана Вольфа, Самуила Пуфендорфа, Гуго Гроция и Юста Липсия⁹. Общественное звучание категории «счастье» у него проявляется лишь раз, в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах». «Нещастливым» он называет народ, попавший в зависимость от другого: «Ежели которой народ ко нещастию другими обладай и долгое время под властью онаго пребывал...» и «Мы под власть татарскую пред 700 лет нещастием впали...»¹⁰. Здесь мы видим то самое соотнесение «категорий «счастье» и «свобода» (и соответственно «зависимость» и «несчастье») с которого начинали мыслители Просвещения XVII века.

В другом тексте – «Духовной» - Татищев, давая наставление сыну, пишет о счастье личном, но понимаемом, как общественное служение: «Необходимо нужно есть знать законы гражданские и воинские своего отечества, и для того, конечно (...) дабы как скоро к какому делу определишья, мог силу надлежащих к тому законов разуметь; наипаче же об оном по причине собственных своих и посторонних дел с искусными людьми разговаривать "и порядкам," яко же и толкованию законов, не меньше же и коварствы ябедническия познавать, а не делать научиться, что тебе к немалому щастию послужит»¹¹. Здесь «щастье» может трактоваться и как «успешная карьера», и как «достойная служба государству».

Семантика термина «счастье» в русском языке XVIII в. имела ту же смысловую нагрузку, что и во французском. В ней есть две стороны: индивидуальная и общественная: «1) Удача, щастливый случай, щастливое произшествие (...). 2) Благополучие, благосостояние, благоденствие»¹². Это в значительной степени облегчало рецепцию категории «счастье», уже сформировавшейся во французском языке. Так, С.Р. Самолдина отмечает, что при переводе оды Руссо М.В. Ломоносов использует термин «щастье» и там, где

⁹ Об этом: См.: Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление ист. Науки в России. СПб.: Нестор-История. 2011. С. 464; Каменский А.Б. Василий Никитич Татищев. // В. Н. Татищев Избранные труды. М.: РОСПЭН 2010. С. 25; Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII—XX веков: Очерки жизни и творчества. Т. 1. М.: Зерцало, 2007. С. 48.

¹⁰ Татищев. В.Н. Собр. соч. в 8 тт. М.: «Ладомир», 1996. Т. 8. С. 97.

¹¹ Там же. С. 138.

¹² Словарь Академии Российской. Ч. 6. От Т и до конца. Спб., Императорская академия наук. 1794. С. 940-941.

надо перевести французское «la Fortune» («удача»), и там где у Руссо стоит «Bonheur» («счастье», «радость») ¹³. С выводом автора: «Итак, оды французского и русского просветителей направлены не на раскрытие и воспевание Счастья как такового, а на поучение, наставление власть имущих, что продиктовано идеями просвещённого абсолютизма»¹⁴, - конечно, следует согласиться. Но заметим, что термин «счастье» («щастье»), применительно к целеполаганию государственного управления, Ломоносов использует не только в переводе, но и в собственных «торжественных» одах. Перевод оды «A La Fortune» был выполнен Ломоносовым в 1759 г. Но гораздо раньше, в 1746 г. он написал оду «На день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския» в которой есть строки: «Коль наша радость справедлива! / Нас красит сладостный покой; / О коль, Россия, ты щастлива / Елисаветиною рукой!»¹⁵. Связь между «щастьем» страны и ее правителем здесь обозначена совершенно недвусмысленно, так же, как в оде «На день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»: ««Великая Петрова Дщерь / Щедроты отчи превышает, / Довольство Муз усугубляет / И к щастью отверзает дверь»¹⁶.

Этот посыл: «счастье» страны зависит от монарха требует развития. Логика требует указать какие действия монарха ведут к «счастью» народа. И в оде 1747 г. первым таким действием называется «установление «покоя»: «Войне поставила конец»¹⁷. Вторая составляющая «щастья» - движение страны к прогрессу, понимаемому в духе Просвещения: «Здесь в мире расширять науки / Изволила Елисавет» и «Уже Россия ожидает / Полезны видеть их труды»¹⁸.

Но самое полное описание дел государя, ведущих к утверждению «счастья» народа» Ломоносов дал в оде «Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской, на преславное Ея восшествие на всероссийский императорский престол июня 28 дня 1762 года», в ее семнадцатой строфе:

«Услышьте, Судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святые
От буйности блюдитесь вы
И подданных не презирайте,
Но их пороки исправляйте

---

¹³ Самолдина С. Р. О государственном счастье в одах «a La Fortune» ж. Б. Руссо и «На счастье» М. В. Ломоносова // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 10 (339). Филология. Искусствоведение. Вып. 90. С. 118.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ломоносов М.Н. Полное собрание сочинений. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 143.

¹⁶ Там же. С. 202.

¹⁷ Там же. С. 198.

¹⁸ Там же. С. 199 – 200.

Ученьем, милостью, трудом.
Вместите с правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу,
То Бог благословит ваш дом»¹⁹.

Составляющих «счастья» (в оде это слово написано в такой транскрипции) три: соблюдение законов, внимание к нуждам «подданных» и движение к прогрессу. Причем, движение к прогрессу («пороки исправляйте»), в духе идей Просвещения, предполагается по трем направлениям: а) собственно просвещение народа («учите»); б) смягчение нравов, примером самого монарха («милость») и в) деятельное участие в обновлении страны, по примеру Петра («труд»). И Ломоносов не был бы Ломоносовым, если бы не дополнил эту программу еще одним пунктом: развитие наук («Будь жизнь Твоя благословенна / Прекрасна посреди наук»²⁰).

Политические тексты М.М. Щербатова, особенно ранние («Разные рассуждения о правлении» и «Замечания Щербатова на Большой наказ Екатерины»), прямо отсылают читателя к трудам Монтескье: «Хотя означенный писатель слова сии к другой притчине прилагает, но так же они суть приличны и к сей, а можно сказать, что разум их в себе вмещает всю важность и всю пользу, каковую мы от нравственных правил получили: то есть что человек не может быть твердо счастлив, естли счастье его не сопряжено и с общим благополучием»²¹.

Понятия «счастье» и «несчастье» постоянно присутствуют в рассуждениях Щербатова о человеке, его месте среди других людей, в характеристике общества правильно/неправильно устроенного, а также в обосновании его взглядов на управление. Он применяет термин «счастье» для характеристик таких понятий как «удача», «карьера», успех». Но наиболее существенной характеристикой индивидуального «счастья» у него служит представление о том, способен ли этот человек быть полезным обществу: «Не из пустого зуда иметь ученых детей я все время повторяю вам, что вы должны прилагать все возможное усердие к учению, но оттого, что я совершенно убежден в том, что человек, не имеющий хорошего образования, не может быть ни добродетелен, ни полезен отечеству, ни, наконец, счастлив»²².

Серьезным отличием в представлениях о счастье у Щербатова, от тех, что выразил Монтескье (и что закрепилось в трудах других деятелей европейского Просвещения), является то, что Щербатов связывает категорию «счастья» не со свободой, а с *долгом* человека перед обществом. Выполнение долга ведет к созданию общественной «пользы» и отсюда формируется состояние «счастья»: «Именно сейчас вам следовать дорогой, которую отечество предлагает вам для вашего счастья, просвещайте ваш дух всеми знаниями, необходимыми и

---

¹⁹ Там же. С. 778.

²⁰ Там же. С. 781.

²¹ Замечания Щербатова на Большой наказ Екатерины // Щербатов М.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.62.

²² Письма М. М. Щербатова к сыну Дмитрию // Там же. С. 110-111.

полезными человеку благородного происхождения, украшайте ваше сердце всеми добродетелями христианина, и вы будете счастливы — тем более счастливы, что заслужите быть таковым, а иначе, вместе с позором для ваших родителей, ожидайте лишь несчастий, которых вы сами будете создателем из-за того, что не захотели следовать советам нежного отца, который желает вам только добра»²³.

Точно также и в управлении обществом: долг правителей перед народом выражается в принятии полезных обществу законов: «И яко в правлении каждого рода хотя вышняя власть и в персоне единого отца пребывает, однако и тот в важных делах спрашивает совету у старейших иль мудрейших своих детей, то тем наивяще, понеже в монархическом правлении более важных дел случается, и что когда же надлежит сохранить установленные уже законы иль новые установить для благополучия народов: не необходимо ли нужно государю иметь совет, сочиненный из мудрейших и более знания имеющих в делах людей его народа, которые должны ему представлять то, что может служить к счастью государств...»²⁴

Таким образом, мы можем видеть, что в политических текстах отечественных историков XVIII сохраняются общее для европейского Просвещения представление о том, что «счастье» общества – это не сумма индивидуальных «удач», а особая категория, характеризующая «правильное» устройство этого общества. В качестве понятий, описывающих «правильное» состояние общества у Татищева выступает «свобода» и исполнение общественного «долга», у Ломоносова – деятельная забота государя о народе, у Щербатова – сочетания законности и долга.

Литература

1. Mauzi R. L'Idée du bonheur dans la littérature et la pensée française au XVIII siècle. P. : Q.Colin, 1960.
2. Гобс Т. Левиафан. М., Мысль, 2001.
3. История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л.: «Наука», 1978.
4. Каменский А.Б. Василий Никитич Татищев. // В. Н. Татищев Избранные труды. М.: РОСПЭН. 2010.
5. Лазорин К.Б. Формирование полицейского государства в странах Европы в XVIII – XIX вв. // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал 2013, № 6. С. 75-78.
6. Ломоносов М.Н. Полное собрание сочинений. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959.
7. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль. 1999.
8. Монтескье Ш.Л. Персидские письма. М.: Канон-Пресс-Ц – Кучково поле, 2002.
9. Мухина Г.А. «Персидские письма» Монтескье и представления об истории // Вестник Омского университета . 2009. № 3. С. 129-137.

---

²³ Там же. С. 113.

²⁴ Разные рассуждения о правлении //Там же. С. 30.

10. Самолдина С. Р. О государственном счастье в одах «а La Fortune» ж. Б. Руссо и «На счастье» М. В. Ломоносова // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 10 (339). Филология. Искусствоведение. Вып. 90. С. 116-118.
11. Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление ист. Науки в России. СПб.: Нестор-История, 2011.
12. Серова Ю. О. Эпоха просвещения и тайные общества // Вестник ВолГУ. 2003. Серия 4. Вып. 8. С. 37-42.
13. Словарь Академии Российской. Ч. 6. От Т и до конца. Спб., Императорская академия наук, 1794.
14. Татищев. В.Н. Собр. соч. в 8 тт. Т. 8. М.: «Ладомир», 1996.
15. Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII—XX веков: Очерки жизни и творчества. Т. 1. М.: Зерцало, 2007.
16. Щербатов М.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.